

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-34-52

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук

«Петербургский лицей»

Киров, Россия

orlov.m.a.87@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4663-9443

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ ИОАННИТОВ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. Статья посвящена изучению государственной политики в отношении религиозного движения, получившего название «иоанниты». Данная религиозная группа сформировалась в недрах Русской православной церкви. Ее специфической особенностью был культ протоиерея Иоанна Кронштадтского. Поставлена цель проследить отношение государственной власти к иоаннитам. В статье проанализированы причины государственного преследования иоаннитов, деятельность правительственных структур по защите гражданских прав в связи с мошеннической деятельностью иоаннитов. Особое внимание уделяется степени их политической лояльности. В ходе исследования выявлены особенности конфессиональной политики в отношении новой религиозной группы в Российской империи.

Ключевые слова: святой Иоанн Кронштадтский, иоанниты, веротерпимость, указ 17 апреля 1905 г., Русская православная церковь, Российская империя.

Для цитирования: Орлов М. А. Государственная политика в отношении иоаннитов в конце XIX – начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 34–52. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-34-52>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-34-52

Orlov Maxim A.

Candidate of Historical Sciences

“Petersburg Lyceum”

Kirov, Russia

orlov.m.a.87@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4663-9443

**STATE POLICY TOWARDS THE JOHANNITES
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Abstract. The article is devoted to the study of state policy in relation to the religious movement, called the “Johannites”. This religious group was formed in the depths of the Church. Its specific feature was the cult of Archpriest John of Kronstadt. The aim is to trace the attitude of the state authorities towards the Johannites. In this article, the author analyzes the reasons for the state persecution of the Johannites, the activities of government structures to protect civil rights in connection with the fraudulent activities of the Johannites. Special attention is paid to the degree of political loyalty of the Johannites. New sources are being introduced into scientific circulation, allowing us to examine the state policy of the Russian Empire in relation to the Johannites from various angles. In the course of the research, the author identified the peculiarities of confessional policy towards a new religious group in the Russian Empire.

Keywords: Saint John of Kronstadt, Johannites, religious tolerance, decree of April 17, 1905, Russian Orthodox Church, Russian Empire.

For citation: Orlov M. A. State policy towards the Johannites in the late 19th – early 20th centuries // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 34–52. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-34-52>

Введение. В статье поставлена цель проследить государственную политику в отношении иоаннитов. Данная тема приобретает особый интерес в свете формирования в постсоветской России свободы совести. После падения Советского государства в нашей стране в массовом порядке стали появляться новые религиозные общины, осуществлявшие крупную миссионерскую деятельность. Особенно остро этот вопрос встал в 1990-е гг., когда из разных стран в Российскую Федерацию хлынул поток религиозных пропагандистов, которым удавалось завербовать в свои общины не только взрослых людей, но и несовершеннолетних. Зачастую дети подвергались гипнозу, бросали учебу, своих родителей, становились, как выразилась одна жительница Москвы, зомби¹. Новые религиозные, а точнее, квазирелигиозные группы получили название «тоталитарные секты». Исследователь

¹ Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГА КО). Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 1. Л. 28.

конфессиональной политики в Российской империи А. А. Машковцев сопоставил деятельность иоаннитов в начале XX в. с тоталитарными сектами постсоветской России на том основании, что и тех и других объединяла деятельность по вербовке людей, религиозная нетерпимость и подавление у людей воли². Такое сопоставление требует комментария. Схожими в данном случае являются характер пропагандистской деятельности, вербовка людей, выманивание денег. При этом стоит учитывать, что термин «тоталитарные секты» используется для характеристики современных деструктивных религиозных объединений, которые объявляются опасными для общества и государства. Однако иоанниты при всем их сходстве с тоталитарными сектами считали себя православными людьми, которые верой служат монарху и существующему государственному строю. И тем не менее их деятельность в начале XX в. создавала для государства и общества серьезные проблемы.

Историография и источники. Историографию вопроса государственной политики в отношении иоаннитов можно поделить на три периода: первый — с 1900-х гг. XIX в. до 1917 г.; второй — с 1917 г. до начала 1990-х гг.; третий — с 1990-х гг. по настоящее время. На первом этапе работы носили в основном публицистический характер. Преобладающей была отрицательная оценка иоаннитов. Авторы обращали внимание на особенности религиозного учения иоаннитов, соответствие их мировоззрения православному вероучению³. Исключением является работа миссионера Дмитрия Боголюбова «О так называемых иоаннитах в русском народе», в которой впервые предпринята попытка взвешенной оценки учения и деятельности иоаннитов. Однако в указанном исследовании почти не уделено внимание государственной политике в отношении иоаннитов. Только в одном месте автор говорит, что иоанниты по своему политическому учению являются строгими монархистами, которые не приносили государству никакого вреда⁴.

Второй этап в силу своей специфики не привнес значительного вклада в историографию проблемы. Как и прежде, в трудах, где упоминались иоанниты, преобладал оценочный взгляд на секту. Иоанниты в советской литературе рассматривались как темные сектанты и черносотенцы. В агитационных работах почти не был задействован архивный материал⁵. В целом

² Машковцев А. А. Секта иоаннитов в Вятской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы истории: сб. статей. Киров, 1998. С. 20.

³ Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910. С. 156–162; Жертвы иоаннитов // Вятская речь. 1909. № 213. С. 3; Диакон Алексей, свящ. Беседа епархиального миссионера с иоаннитами о браке (19 декабря 1910 г. в г. Уфе) // Уфимские епархиальные ведомости. 1911. № 1–2. С. 13–18; Маргаритов С. История русских мистических и рационалистических сект. Симферополь, 1910. С. 78–79; Судебно-церковная романтическая драма // Вятская жизнь. 1905. № 2. С. 4.

⁴ Боголюбов Д. И. О так называемых иоаннитах в русском народе: очерк. СПб., 1909. С. 28.

⁵ Путинцев Ф. М. Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света») / Центральный

в советской историографии иоанниты выпали из поля зрения исследователей: даже в крупных работах советского времени сведения о них отсутствуют. А. И. Клибанов в исследовании о русском сектантстве фокусирует внимание только на христоверии, молоканстве, баптизме, адвентизме⁶. Показательно, что в наиболее полной работе по русской церковной истории «Русское православие: вехи истории» в разделе, посвященном истории Русской церкви на рубеже XIX–XX в. нет упоминания об иоаннитах. Говоря о миссионерском съезде в Киеве, состоявшемся в 1908 г., авторы даже не указали на то, что во время этого съезда иоанниты были причислены к сектантам⁷.

Значительные изменения произошли в постсоветской историографии. Появляются исследования, в которых в научный оборот вводятся ранее неизвестные архивные документы. Новшеством современной историографии является постановка вопроса о роли государства в регулировании движения иоаннитов. В работе А. А. Машковцева главное внимание уделяется позиции вятской губернской администрации в борьбе с иоаннитами⁸. Тем не менее в большинстве работ о них, как и в дореволюционной историографии, главный акцент ставится на религиозном учении иоаннитов⁹. Интересными являются труды, в которых исследователи рассматривают восприятие иоаннитами Иоанна Кронштадтского¹⁰. На их фоне выделяется монография американской исследовательницы Н. Б. Киценко «Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ». В ней в научный оборот введены материалы центральных архивов России, сделаны значимые выводы о роли полиции в борьбе с иоаннитами¹¹. При всей значимости монографии Н. Б. Киценко, необходимо отметить, что в ней не представлены документы местных архивов. Главное внимание уделено политике центральных органов государственной власти по отношению к иоаннитам.

совет Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1930. С. 24–25; *Фёдоровский С.* Кто они, авторы «святых» писем? // Блокнот агитатора. Киров, 1982. № 16. С. 15–19.

⁶ *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1965. 348 с.

⁷ *Смирнов Н. А.* Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 438–462.

⁸ *Машковцев А. А.* Указ. соч. С. 20–30.

⁹ *Зарембо Н. Г.* Русская православная церковь и движение иоаннитов в Санкт-Петербурге (1890–1900 гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 39–43; *Зими́на Н. П.* К вопросу об иоаннитском движении в Русской Православной Церкви и возникновении в конце 1920-х гг. катакомбного течения «архиепископа» Агафангела (Садовского) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. 4 (37). С. 28–54.

¹⁰ *Фирсов С. Л.* Мифологизация памяти. Святой праведный Иоанн Кронштадтский и проблема «иоаннитства» (К истории журнала «Кронштадтский маяк»: 1906–1912 гг.) // Церковь и время. 2024. Т. CVIII. № 4. С. 87–156; *Виталий (Уткин), игумен.* «Иоаннитство» как интерпретационный миф: политика, СМИ и Церковь // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 143–159.

¹¹ *Киценко Н. Б.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006. С. 246–279.

Таким образом, в литературе отсутствует комплексное исследование, посвященное государственной политике в отношении иоаннитов на рубеже XIX–XX вв., что делает актуальным предлагаемое исследование.

Появление иоаннитов. Религиозное движение, получившее название «иоанниты», сформировалось в России на рубеже XIX–XX вв. Необыкновенная пастырская деятельность протоиерея Кронштадтского Андреевского собора о. Иоанна Сергиева привлекала к нему людей всех сословий и даже представителей разных вероисповеданий. После публикации «Благодарственного заявления» в газете «Новое время» от 20 декабря 1883 г. о. Иоанн стал известным на всю Россию. В заявлении безымянные авторы утверждали, что получили избавление от болезней только после молитв о. Иоанна Сергиева. Медицина, по их словам, оказалась неспособной излечить их от телесных недугов. Исцеление пришло в результате молитв о. Иоанна Сергиева¹². После этой публикации на имя Иоанна Кронштадтского люди из разных частей России стали посылать письма с просьбой оказать молитвенную помощь, надеясь получить избавление от болезней и различных жизненных трудностей¹³. Некоторые констатировали, что получили исцеление от физических недугов. Вот что пишет одна женщина: «Ангелоподобный и дорогой наш Батюшка Отец Иоанн. Пишу Вам и вспоминаю вечер 10-го августа 1889 г., когда Господь сподобил нас Вашего посещения... и по Вашей святой молитве прекратились страдания моей больной руки»¹⁴.

Важно понимать, что содержание этих писем становилось известным не только о. Иоанну, но и знакомым тех людей, которые получали исцеление. Между людьми распространялись так называемые «письма счастья», в которых были записаны особые молитвы, которые нужно было прочитать несколько раз, чтобы получить желаемое. Эти письма с молитвами связывались с Иоанном Кронштадтским. Со временем сформировался круг его почитателей, которые вошли в историю как иоанниты. Это собирательное понятие, включающее в себя разные категории верующих от благочестивых почитателей Иоанна Кронштадтского до сектантов, в своем исповедании приближавшихся к мистическим хлыстам.

Для государственной власти появление иоаннитов означало постановку новых задач в проведении конфессиональной политики. Прежде всего, необходимо было выяснить, являются иоанниты сектантами, распространяющими среди населения неправославное учение, или же иоаннитство есть особая форма народного благочестия. По мере увеличения иоаннитских общин до властей стали доходить факты мошенничества, передачи денег в религиозные общины иоаннитов. Это требовало от светской власти осуществления следственной

¹² Михаил (Семенов), иеромонах. Отец Иоанн Ильич Сергиев (полная биография с иллюстрациями). СПб., 1903. С. 74–75.

¹³ Государственный музей истории религии (далее — ГМИР). Ф. 38. Оп. 1. Д. 24. Л. 7, 14, 17.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 2219. Оп. 1. Д. 14 а. Ч. 2. Л. 232–232 об.

деятельности в их отношении. Еще одной задачей для власти являлось решение вопроса о детских приютах и религиозных общинах иоаннитов, в которые попадали люди (часто несовершеннолетние) в результате пропаганды иоаннитов. Наконец, светская власть должна была выявить степень политической лояльности иоаннитов к существующему государственному строю империи.

Государственная власть и иоанниты до 1905 г. В первое время государственная власть мало обращала внимание на новое религиозное движение. Сбор информации об иоаннитах осуществлялся в основном духовенством. В 1890-е гг. в разных местах Российской империи приходское духовенство стало выявлять, что некоторые прихожане выходят за рамки православного вероисповедания, считая Иоанна Кронштадтского Христом и даже Троицей. В 1894 г. епископ Костромской и Галичский Виссарион (Нечаев) направил в Св. синод донесение, в котором говорилось, что крестьянка Пелагия Кабанова распространяет «вероучение о поклонении о. Иоанну Сергиеву»¹⁵. В 1895 г. священник Вейской Воскресенской церкви (Гдовский уезд Новгородской губернии) Алексей Солнцев направил письмо на имя о. Иоанна, в котором говорил, что некоторые прихожане почитают его за Иисуса Христа, а иные за Бога Саваофа¹⁶. Стоит заметить, что представленные сведения не отличаются полнотой и всесторонностью. Многие, кто писал об иоаннитах, получали информацию, что называется, из вторых рук. Однако, как бы ни были скудны известия, для духовенства было понятно, что в Российской империи появляется новое религиозное движение, не соответствующее православному вероучению. Опасность заключалась в том, что иоанниты не были внешним для Церкви явлением, вышли из церковной ограды, действовали среди православных прихожан.

До 1905 г. случаи возбуждения уголовных дел в отношении иоаннитов были редкими. Так, Костромская духовная консистория, выявив неканоничный характер учения упоминавшейся выше Пелагии Кабановой, направила местным следователям материалы дела для привлечения ее к уголовной ответственности. Однако следователи не обнаружили в действиях Кабановой состава преступления и возвратили дело в духовную консисторию¹⁷. В 1897 г., после того как священник Михайло-Архангельской церкви Ораниенбаума Дмитрий Любимов сообщил в своем рапорте о беседе с Порфирией Киселевой, начались допросы ее и других лиц, причастных к организации странноприимных домов. Был поднят вопрос о вымогательстве денег обманным путем. Дело рассматривалось в духовной консистории, потом передано прокурору Санкт-Петербургского окружного суда, однако осталось без последствий¹⁸.

Как отмечает Н. Б. Киценко, на ранней стадии преследования иоаннитов «линию поведения» против них разрабатывал Св. синод, а МВД только

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 175. Д. 2017. Л. 1.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–1 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 175. Д. 2017. Л. 7.

¹⁸ Зими́на Н. П. Иоанниты // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 128.

санкционировал действия против сектантов. Начатое Св. синодом дело против Петра Трофимова, обвиняемого в организации «вредной секты», полиция не стала рассматривать, а передала обратно религиозным властям, поскольку гражданская власть, как отмечает Н. Б. Киценко, «нуждалась в четких директивах»¹⁹. В 1904 г. Канцелярия Св. синода рассматривала дело о деятельности мещанок Марии Александровой и Натальи Сухановой. Канцелярия находила в действиях упомянутых женщин признаки секты, так как они объявляли Иоанна Кронштадтского истинным Господом Богом. Кроме того, указывалось на то, что эти женщины занимаются мошеннической деятельностью. Однако Московская уголовная палата посчитала, что приведенные Канцелярией Св. синода доводы недостаточны для возбуждения уголовного дела²⁰.

Государственная власть и иоанниты после 1905 г. Интерес гражданской власти к вероучению иоаннитов возрос после 1905 г. В этот революционный год были изданы указы о веротерпимости, провозглашена свобода слова и печати. Расширение гражданских свобод создавало благоприятные условия для пропаганды учения иоаннитов. Массовое распространение иоаннитской литературы, участвовавшие факты мошенничества, вербовка людей в общины иоаннитов заставили гражданскую власть более пристально посмотреть на данное религиозное движение. Прежде всего, требовалось выявить сущность их вероучения. Из материалов Департамента духовных дел иностранных исповеданий видно, что гражданская власть не до конца понимала сущность иоаннитства. Для разъяснения чиновники обращались к духовенству. В 1909 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий направил в Св. синод запрос: являются ли иоанниты особым религиозным движением, отделившимся от Русской православной церкви, или же названная секта представляет собой лишь особое собрание людей, которые исповедуют взгляды, не противоречащие церковному вероучению²¹. Заметим, что данный запрос был сделан после того, как в 1908 г. на IV Миссионерском съезде в Киеве иоанниты были признаны сектой, учение которой не соответствует православному вероучению. И в последующем Департамент духовных дел не имел четкого представления, в чем заключается вероучение иоаннитов. Например, 28 марта 1910 г. Департамент духовных дел сообщал томскому губернатору о необходимости надзора за иоаннитами, но при этом отмечал, что иоанниты еще не сформировали особой секты, отличной по догматическому вероучению от православной церкви²². 18 января 1911 г. департамент духовных дел направил письмо тобольскому губернатору. В этом письме Департамент разъяснил тобольской администрации, что иоанниты «по существу вероучения» не являются сектой, а только «группой лиц, объединенных на почве исключительного

¹⁹ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 258.

²⁰ Там же. С. 260–261.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 4–4 об.

²² Там же. Л. 162.

благоговейного почитания памяти почившего о. Иоанна Сергиева»²³. Таким образом, государственная власть в лице Департамента духовных дел не поддержала решение IV миссионерского съезда, в протоколах которого было определено, что иоанниты являются сектантами.

Следственная деятельность в отношении иоаннитов. Делопроизводственные документы показывают, что гражданская власть, как правило, интересовалась не религиозными взглядами иоаннитов, а наличием в их действиях правонарушений. Когда в столичной полиции наводили справки об иоанните Василии Пустошкине, то отметили, что он был задержан за мошенническую деятельность²⁴, не акцентируя внимания на том, во что он верует. Важнее было выявить, какие правонарушения числятся за ним. Полицейский пристав после посещения квартиры иоаннитов в Петербурге сообщал: «Предосудительного там никогда ничего не обнаруживалось, если не считать означенное плетение венков и почитание о. Иоанна, чего они не скрывают»²⁵. Подробностей о молитвах и религиозных обрядах в этом документе нет.

Задержание иоаннитов осуществлялось в тех случаях, когда появлялись сведения об их преступной деятельности. В Самарской губернии по ходатайству крестьянки с. Титовки Ирины Осокоревой были арестованы несколько человек, подозреваемых в мошеннической деятельности. Получив предписание губернатора произвести обыск на квартире иоаннитов в местности Новый Оренбург, самарское сыскное отделение ночью задержало молящихся и конфисковало деньги, которые могли быть получены незаконным путем. После проведения опроса и дознания было выяснено, что подозреваемые в мошенничестве иоанниты означенную крестьянку «ни в какую невыгодную сделку не вводили и денег не вымогали». После этого по предложению прокурора Волкова следственные материалы были переданы в Самарскую духовную консисторию, конфискованные деньги возвращены, а подозреваемые в мошеннической деятельности отпущены на свободу²⁶. Схожую позицию занял вятский губернатор С. Д. Горчаков. По ходатайству жены местного предпринимателя Михаила Каткова губернатор предписал полицмейстеру «принять меры к ограждению интересов просительницы», а также произвести аресты иоаннитов, «если к тому будут достаточные основания (курсив мой. — М. О.)»²⁷. В декабре 1911 г. харьковский губернатор распорядился обыскать склад книг у крестьян Василия Якимова, Андрея Медведева и Андрея Кирсанова, принадлежащих секте иоаннитов. Все найденные книги были изъяты, но, когда выяснилось, что среди них не оказалось запрещенных, их все вернули владельцам²⁸.

²³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 49.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 334. Л. 36 об.

²⁵ Там же. Л. 84.

²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 26–27.

²⁷ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 7 об.

²⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 33.

Инициатива в возбуждении уголовных дел против иоаннитов, как правило, принадлежала духовенству. Осенью 1908 г. в Царицыне появилась группа иоаннитов, которые вблизи храмов и на торговых площадях продавали свою литературу. По требованию епископа Гермогена (Долганёва) и местных миссионеров полиция арестовала сектантов. В результате Царицын был очищен от иоаннитов²⁹. 20 августа 1910 г. в Петербурге в Иоанновском монастыре крестьянин Никандр Фионов перед возгласением вечной памяти Иоанну Кронштадтскому стал кричать: «О. Иоанн воистину Христос!», что произвело «смущение» среди молящихся. Священник Федоров попросил за такое кощунство препроводить иоаннитов в ближайший полицейский участок. Во время допросов Фионов не отрицал, что верит в то, что Иоанн Кронштадтский не умер и он есть «сошедший на землю Иисус Христос»³⁰. В 1910 г. в Департамент духовных дел поступило отношение обер-прокурора о целесообразности опубликования в Псковской епархии заявления Иоанна Кронштадтского о секте иоаннитов³¹. Обер-прокурор просил также Департамент духовных дел иностранных исповеданий установить надзор за иоаннитами во Владимирской губернии³².

Особое внимание гражданские чиновники обратили на брошюру иоаннита В. Ф. Пустошкина «Церковь Христова в опасности». Она была адресована вятскому епископу Филарету, но в ней под огонь критики попало все православное духовенство. Пустошкин сопоставил православных священнослужителей и епископат с первосвященниками, которые отреклись от Христа перед Понтием Пилатом. Автор брошюры критиковал известного в Вятке священника о. Вениамина Тихоницкого, а вместе с ним все духовенство за то, что они ведут борьбу с иоаннитами. Такие священники были названы лжепастырями³³. Брошюра активно распространялась в Вятской губернии. Епископ Филарет, узнав об этом, обратился к губернатору С. Д. Горчакову с просьбой принять меры к ее изъятию³⁴.

Из донесения самарского губернатора видно, что местная администрация много внимания уделяла особенностям религиозного быта иоаннитов, подробно описывала их религиозные взгляды. Судя по всему, изъятие литературы и фотокарточек (не только о. Иоанна, но и Порфирии Киселевой, о которой было сказано, что для иоаннитов она почитается за Пресвятую Богородицу) осуществлялось под тем предлогом, что сектанты распространяют противную для православной веры литературу³⁵. В донесении московского губернатора от 29 ноября 1911 г. обращают на себя внимание слова, сказанные по поводу деятельности иоаннитов на Богородско-Глуховской мануфактуре: «Их деятельность

²⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 1–4.

³¹ Там же. Л. 8.

³² Там же. Л. 14.

³³ Там же. Д. 206. Л. 196–214.

³⁴ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 47.

³⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 172 об.

угрожает религиозным верованиям населения и общественной безопасности (курсив мой. — М. О.)»³⁶.

Департамент духовных дел иностранных исповеданий производил мониторинг периодических изданий, в которых появлялись сведения об иоаннитах. После изучения газетных статей следовал запрос к местному градоначальнику или губернатору, которые должны были проверить истинность публикуемых материалов. Губернская администрация предписывала полиции отправляться в квартиры иоаннитов для осмотра помещений³⁷.

Но не всегда газетный материал об иоаннитах соответствовал действительности. В феврале 1910 г. в поле зрения Департамента духовных дел попала статья из газеты «Колокол» под названием «Иоаннитство растет по городам и весям как грибы после дождя». В ней утверждалось, что в Троицкой волости Новгородского уезда богомолки рядом с иконами вешают портреты Иоанна Кронштадтского и неодобрительно относятся к местным священникам. Однако инициированное департаментом следствие выяснило, что материалы статьи не соответствуют действительности. После допроса местных жителей и настоятеля Вяжицкого монастыря оказалось, что так называемая иоаннитская община не выходит за рамки канонического православия; ее члены регулярно посещают службы монастыря, а портреты о. Иоанна находятся в отдалении от икон. Негативное отношение к местному священнику возникло после того, как последний «сильно разгорячился в разговоре» и дурно отозвался о старце иоаннитов Назарии и даже хотел опорочить Иоанна Кронштадтского. В итоге пристав выявил, что местные иоанниты не представляют опасности ни для Церкви, ни для государства³⁸.

Большинство периодических изданий негативно оценивали иоаннитов. Общественность высказывалась о них как о людях, представлявших темные стороны русского православия. Так, в фонде писателя Василия Брусянина (РГАЛИ. Ф. 42) удалось обнаружить его рукопись под названием «На заре иоаннитства (иоанниты в зародыше)», в которой автор крайне отрицательно относится к последователям Иоанна Кронштадтского и рисует мрачную картину духовной жизни России³⁹. Эта рукопись так и не была опубликована, но были и такие деятели культуры, которые отважились на публичное осуждение иоаннитов. В 1907 г. во многих городах России ставилась пьеса В. Протопопова «Черные вороны». Она была направлена не только против сектантов-иоаннитов, но и против Иоанна Кронштадтского и всего церковного быта в целом⁴⁰. Такое положение вещей заставляло государственную власть более тщательно следить за иоаннитами.

³⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 53.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 37–44, 49, 59.

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 22–24.

³⁹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 42. Оп. 1. Д. 80. Л. 103–129.

⁴⁰ Перекатов А. В. «Черные вороны»: конфликт духовенства и театрального сообщества (1907 г.) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 60–73.

Борьба с мошенничеством. Особое внимание власти обращали на мошенническую деятельность иоаннитов, а также на создание ими религиозных общин в Санкт-Петербурге и Кронштадте. Как правило, мошенническая деятельность и создание религиозных общин были тесно связаны между собой. В общины люди, в том числе и несовершеннолетние, попадали после пропаганды иоаннитов о необходимости ехать в Кронштадт или Санкт-Петербург, чтобы получить оправдание на Страшном суде, который, как убеждали иоанниты, скоро наступит. Они советовали жертвовать деньги в фонд иоаннитских общин, настаивали, что деньги есть признак мамоны⁴¹. В Перми иоаннитки убеждали богатых женщин: «Владеть деньгами и иметь имущество — пагуба... богатых ждет участь сребролюбца Иуды»⁴². В селе Ацвеж Вятской губернии иоанниты, убеждая людей бросать свое имущество, добавляли, что «весь мир во зле лежит», что только в Кронштадте люди обретут спасение⁴³.

Иоанниты обещали людям праведную жизнь в столичных общинах и беседы с Иоанном Кронштадтским. Крестьяне действительно верили в это, поэтому отпускали своих детей, «чтобы они замолили в Кронштадте грехи родителей»⁴⁴. В результате пропаганды иоаннитов люди покидали свои дома, бросали семьи. Статистику уехавших определить довольно сложно, поскольку данные о численности иоаннитских общин не собирались. Одно можно сказать с определенностью: это было массовое паломничество. В Самарской губернии, согласно донесению губернатора, иоанниты «смаивали за собою местных крестьянок, которые бросали свои семьи и следовали за ними»⁴⁵. В Таврической губернии после проповеди иоаннитов несколько богатых женщин уехали со своими детьми в столичные общины иоаннитов⁴⁶. В деревне Краснояр Котельнического уезда Вятской губернии иоаннит Андриан Лопатин «своим ловким словом... успел повлиять на настроение деревни», которая «всполошилась при вести о наступлении скорой кончины мира и страшного суда Божия и многие решились было, продав дома и имущество, бежать отсюда туда, где, по словам проповедников, “Новый Иерусалим” и “Новый Христос Бог” — судия отец Иоанн Кронштадтский». Некоторые женщины стали даже надевать особые костюмы, чтобы встретить «страшного судию»⁴⁷.

Сведения о мошеннической деятельности иоаннитов стали появляться еще до 1905 г. В 1901 г. мировой суд Сретенского участка Москвы рассматривал дело о мошеннической деятельности иоанниток. В зале суда женщины-иоаннитки устроили беспорядки, что потребовало вмешательства полиции⁴⁸.

⁴¹ В христианской традиции под мамоной понимается богатство, которое для человека становится преградой на пути к истинному богопочитанию.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 177 об.

⁴³ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 70.

⁴⁴ Подвиги иоаннитов // Вятский вестник. 1908. № 4. С. 3.

⁴⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 172 об.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 192.

⁴⁷ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 71 об.

⁴⁸ Зимина Н. П. Иоанниты. С. 128.

В 1904 г. иерей Павел Васильев из Екатеринославской губернии писал о. Иоанну, что «крестьянка-девица Синклитская» собирает с прихожан деньги, убеждая их, что в тот момент, когда они дают деньги, Иоанн Кронштадтский поминует их в своих молитвах⁴⁹. В Бессарабии вдовая помещица Эмилия Бочковская распространяла слух, что послана самим Иоанном Кронштадтским. Люди, веря этому, давали ей деньги на молитвы о. Иоанна⁵⁰.

После 1905 г. факты мошенничества приобрели массовый характер, что заставило власти вмешаться. В 1905 г. Министерство внутренних дел выдвинуло против некоторых иоаннитов обвинение в вымогательстве денег, хотя доказать это было крайне трудно⁵¹. В 1907 г. в Слободском уезде были задержаны иоаннитки Аверкина и Воробьева. По распоряжению местного начальника проводилось дознание об их мошеннической деятельности⁵². Крестьянские девушки, возвращавшиеся из иоаннитских общин, рассказывали, что иоанниты отбирали все вещи и деньги⁵³.

Исследуя дела о мошенничестве, полиция иногда выявляла и иные составы преступлений иоаннитов. В Казани во время обыска квартиры иоаннитов полиция обнаружила фальшивые монеты, а также «приспособления, служащие, видимо, для подделки фальшивых монет, а именно: две небольшие бензинки, кастрюлька, сковородка, обломок ножа, металлический прут и металлическая гайка в форме серебряного рубля». Это послужило основанием заключения иоаннита Бабаева в Казанскую губернскую тюрьму⁵⁴.

Нарушение родительских прав. Деятельность иоаннитов коснулась родительских прав на детей. В Кронштадт и Петербург уезжали не только взрослые, но и несовершеннолетние, которых помещали в специально созданные детские приюты. Житель Николаева Николай Ильинный говорил, что приехавшие «монашки» убеждали жителей, что у о. Иоанна есть приюты для каждого желающего, «который хочет потрудиться на общию братию за его молитвы пред Богом». Также уверяли, что никто из детей не будет «на паперти у какого бы то ни было храма»⁵⁵. Данные Петербургской полиции подтверждают, что в иоаннитских приютах было немало детей, в частности в доме № 4 по ул. Теряевой в нескольких квартирах находились несовершеннолетние. В квартирах под номерами 12 и 13 из тридцати жильцов девять были дети⁵⁶.

Из детских приютов на имя родителей стали приходить письма, в которых дети просили прислать деньги. Некоторые родители подозревали, что письма написаны не их детьми, а кем-то другим. Они обращались к властям с просьбой

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 38. Л. 6–6 об.

⁵⁰ Там же. Л. 3 об.

⁵¹ *Зарембо Н. Г.* Указ. соч. С. 40.

⁵² Розыски соблазненных «иоаннитками» // Вятский вестник. 1907. № 229. С. 3.

⁵³ Подвиги иоаннитов // Вятский вестник. 1908. № 4. С. 3.

⁵⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 39 об. – 40.

⁵⁵ Там же. Л. 30.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 153 об.

вернуть детей домой⁵⁷. В фонде «Управление Петроградского градоначальства и столичной полиции» сохранилось достаточно много таких писем. В качестве примера приведем прошение жительницы Владимирской губернии Анны Брюзовой в полицию о возвращении ее дочери Александры. Она пишет, что отправила дочь после увещаний «какой-то монахини», приехавшей в их слободу агитировать молодых людей ехать в Петербург в дом трудолюбия. Слова матери нельзя читать без сопереживания: «По неопытности и бедности своей я поддавалась соблазну, и отдала свою несовершеннолетнюю дочь Александру для обучения... Боюсь, чтобы дочь моя не погибла... По имеющимся у меня точным сведениям, лицами, заведующими этими нелегальными приютами, дочь моя добровольно отпущена не будет»⁵⁸.

До властей стали доходить сведения о дурном обращении иоаннитов с детьми. В петербургской газете «Слово» С. Петрович описывал свои впечатления о посещении одного из приютов следующим образом: «При входе в квартиру, я натыкаюсь на тяжелую картину: на кровати сидят два скелетика — две маленьких девочки, на вид не больше года, в действительности же им года два-три. Слабые, хилые, совсем прозрачные, они неподвижно сидят, уставившись в одну точку, ни слова не говорят, только шевелят губами». Кроме того, автор статьи с ужасом говорит о недостатке воздуха и нормального питания («пища их — картофель, чай с хлебом, немного каши, рыба редко, масла совсем не дают»)⁵⁹. Однако полиция после обследования квартир иоаннитов, где проживали несовершеннолетние, отмечала, что приюты в целом «содержатся опрятно», только «воздуха не хватает». Руководители этих общин характеризовались как люди «безупречные»⁶⁰. Пристав второго участка Петербургской части произвел особое расследование о детских приютах иоаннитов. Он выявил, что дети отдаются в приюты добровольно, «без всякого рода насилий». При этом дети, как отмечал пристав, «в гигиеническом отношении содержатся хорошо», занимаются пением и плетением венков. Пристав особо отметил: «Если кому из детей не нравится образ жизни, то они свободно возвращаются домой или уже их увозят родители»⁶¹. Пристав четвертого участка отмечал, что квартиры иоаннитов тайными никогда не были, они всем известны, «предосудительного там никогда ничего не обнаруживалось»⁶².

Однако Санкт-Петербургский градоначальник был иного мнения. В докладе на имя министра внутренних дел от 8 июля 1909 г. он писал, что иоанниты занимаются «эксплуататорской деятельностью», причем «повсеместно в Империи», а потому просил закрыть приюты по всей стране⁶³. В градоначальстве

⁵⁷ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 267.

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 3.

⁵⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 7 об.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 1 об.

⁶¹ Там же. Л. 7.

⁶² Там же. Л. 84 об.

⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 1.

обращали внимание, что содержатели иоаннитских приютов грабят «массу верующих» и «строят себе каменные дома»⁶⁴. Власти были взволнованы не только обиранием «жертв», но и их моральным унижением, так как детей «принуждают стоять на паперти»⁶⁵. В поле зрения столичной полиции попадали душераздирающие истории с вовлечением детей в иоаннитские общины. В письме жительницы г. Бордянска (Таврическая губерния) Марии на имя петербургского противосектантского миссионера Николая Булгакова отражен крик души девушки, родители которой были увлечены пропагандой иоаннитов. В этой семье было шестеро детей, трое из них вместе с родителями уехали с иоаннитами. Мария пишет, что остались «более благоразумные», но их родители предали проклятию. Автор письма просит миссионера помочь «вырвать» из иоаннитской общины ее сестру. Она пишет: «Бог с ними с моими родителями, они сами отвечают за свои действия, меня тревожит участь моей возлюбленной малолетней сестры»⁶⁶.

Это письмо попало в руки полиции и дало основание произвести расследование. Полиции удалось отыскать квартиру, где проживали родители Марии. После расспросов отца Марии Николая Дурнева чиновник пришел к убеждению, что ходатайство Марии подлежит удовлетворению, так как, по его словам, «дальнейшее пребывание девочки в обществе иоанниток могло бы дурно отразиться на религиозно-нравственном ее воспитании, а недостаток пищи, воздуха, движения и отсутствия опрятности, которую удалось мне заметить при посещении квартиры иоанниток, могут дурно повлиять на физическое развитие этой девочки, не говоря уже о накожной болезни, которыми страдают здесь многие из детей»⁶⁷.

После тщательного обследования приютов в июле 1909 г. они были закрыты, а дети переведены в другие заведения. Некоторые дети, как отроковица Александра Брюзова, направлялись домой «для водворения к родным»⁶⁸.

В литературе высказывалось мнение, что закрытие приютов является «одной из наиболее трагических страниц истории “иоаннитов”», так как эти приюты формировали у детей православный образ мысли, отводили детей от социалистической пропаганды и социальных аномалий (пьянства, разврата)⁶⁹. Эту сторону, конечно, отрицать полностью нельзя, однако обращение к следственным делам показывает, что для родителей исчезновение детей было подлинной трагедией. Поиск пропавших детей напоминал детективы, в которых действующими лицами были реальные люди. К тому же отчеты полиции показывают, что обстановка в детских приютах была далека от православного благочестия, а детский труд использовался для производства вещей, которые

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. 192–192 об.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 197 об.

⁶⁸ Там же. Л. 34.

⁶⁹ Виталий (Уткин), игумен. Указ. соч. С. 151–156.

шли на продажу по всей Российской империи. Сложность поиска и возврата детей (иногда детей вовсе не находили) заставляет думать об этих приютах как о деструктивных структурах.

Политические взгляды иоаннитов. Иоанниты разделяли монархические идеи. Когда было образовано «Иоанновское братство», то туда допускались лишь «православные русские», верные царю и являвшиеся противниками всякого материализма⁷⁰. В Департаменте духовных дел иностранных исповеданий был проанализирован устав «Иоанновского братства». Отмечено, что данная организация «думает объединить лиц известных политических взглядов на подобие Союза Русского Народа или Союза имени Михаила Архангела»⁷¹. Об иоаннитах сообщали главе правительства П. А. Столыпину. На его имя публицист и один из учредителей Союза русского народа Н. Н. Жеденов направил письмо, в котором убеждал, что вожди иоаннитов Василий Пустошкин и Николай Большаков (Артамонов-Большаков)⁷² являются «глубоко верующими людьми». В письме критиковался новый вероисповедный строй империи: «сердце мое сжалось от ужаса, какая злобная месть, какое издевательство, какой произвол возможен еще у нас на Руси при возведенном обновленном строе». Эти слова были направлены против католиков и иудеев, которые, по мнению Жеденова, натравили полицию против Большакова и Пустошкина⁷³. Вряд ли такой взгляд на новый политический строй империи соответствовал убеждениям П. А. Столыпина, который старался не допускать усиления крайне правых, стремился ослабить их влияние на политику правительства⁷⁴.

Некоторые черносотенцы считали, что иоанниты могут служить надежным союзником в политической борьбе против либералов и социалистов. Упомянутый Н. Н. Жеденов, а также Е. А. Полубояринцев, игумен Арсений (Алексеев) считали, что иоанниты помогут правым своими книгоношами, которые могут распространять брошюры и прокламации черносотенных партий. Иоанниты рассматривались как люди со «стойкими убеждениями»⁷⁵. Стоит отметить, что подобные рассуждения не были беспочвенны. В Вятской губернии местные власти обнаружили, что иоанниты распространяют не только религиозную литературу, но и политическую, в частности «Письмо председателя Союза

⁷⁰ Зарембо Н. Г. Указ. соч. С. 42.

⁷¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 104–105.

⁷² Николай Иванович Большаков (1872–1910) — публицист, писатель, редактор-издатель «Грозы» и журнала «Кронштадтский маяк», иоаннит, автор книг об Иоанне Кронштадтском. Являлся одним из учредителей Союза русского народа. В 1912 г. объявлен Св. синодом сектантом-иоаннитом.

⁷³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 15–16.

⁷⁴ Кирьянов Ю. И. Предисловие /// Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 52; Омельяничук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 68–72; Его же. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 4–5.

⁷⁵ Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 364–365.

Русского народа А. И. Дубровина к митрополиту Антонию (Вадковскому)». Несмотря на то что вятским губернатором на тот момент был убежденный монархист С. Д. Горчаков, являвшийся «патроном» Вятской народно-монархической партии, наличие данного письма у иоаннитов было расценено губернской администрацией как явление отрицательное⁷⁶.

Альянс правых партий с иоаннитами не состоялся. Можно даже с уверенностью говорить, что он изначально был обречен на провал. Н. Б. Киценко верно отмечает, что камнем преткновения стала сомнительная «православность иоаннитов». Исследователь пишет, что в целом правые не хотели терять свою репутацию и связываться с сектантами⁷⁷. Действительно, есть примеры, когда правые не только отмежевывались от иоаннитов, но и прямо заявляли о несовместимости взглядов. Лидеры Вятской народно-монархической партии фактически объявили крестовый поход против иоаннитов. В рупоре местных черносотенцев — «Вятском вестнике» наперебой печатались статьи, в которых иоанниты назывались темными сектантами, мошенниками, эксплуататорами, язвой общества⁷⁸.

Известно, что правое движение имело несколько направлений — от крайне правых до умеренных. Крайне правые не признавали Государственную думу, критически относились к Манифесту 17 октября 1905 г. Лидеры иоаннитов занимали именно такую позицию. Главное управление по делам печати, анализируя содержание журнала «Кронштадтский маяк», заметило, что в политическом отношении данное издание «не признает никаких реформ, вызванных Высочайшим Манифестом 17 Октября 1905 года, и стоит за наибольшее ограничение прав евреев»⁷⁹. В руки столичной полиции попадались стихи иоаннитов, в которых делался призыв уйти от «мира погибшего». Действительность в иоаннитских стихах рисовалась в самых мрачных красках⁸⁰. Государственному чиновнику было ясно, что появившаяся секта увлекает в свои общины людей, критикует существующий строй. Это уже говорило о появлении в Российской империи оппозиционного религиозного движения. Хотя иоаннитов никак нельзя записывать в разряд анархистов и революционеров, тем не менее критика церковного и обновленного государственного строя точила камень в здании империи.

Заключение. Появление иоаннитов создавало для государственной власти Российской империи определенные проблемы при проведении конфессиональной политики. Светская администрация проявляла интерес к религиозной стороне деятельности иоаннитов, как правило, после ходатайств об этом со стороны духовенства. Как отмечает Н. Б. Киценко, для полиции важен был

⁷⁶ ЦГА КО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 275. Л. 72.

⁷⁷ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 277.

⁷⁸ К деятельности иоаннитов // Вятский вестник. 1907. № 270. С. 3; Один из провожающих. Появление «иоаннитов» // Вятский вестник. 1907. № 172. С. 4.

⁷⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 224. Л. 44 об.

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 193–195 об.

не сам факт их сектантской направленности, а незаконные действия вождей иоаннитов: несанкционированные перемещения по стране, вымогательство денег⁸¹.

В условиях революции 1905–1907 гг. широкомасштабная деятельность иоаннитов усиливала смуту в обществе, подрывала авторитет православного духовенства, способствовала обострению отношений между либеральной интеллигенцией и представителями консервативных слоев общества. Все это на фоне революционного брожения отбирало у государства силы в борьбе с новым массовым религиозным движением.

Литература

1. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. Харьков.: Тип. Губернского правления, 1910. 607 с.
2. Виталий (Уткин), игумен. «Иоаннитство» как интерпретационный миф: политика, СМИ и Церковь // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 143–159. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-1-143-159>
3. Зарембо Н. Г. Русская православная церковь и движение иоаннитов в Санкт-Петербурге (1890–1900 гг.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 2. С. 39–43.
4. Зими́на Н. П. Иоанниты // Православная энциклопедия. Т. 25: Иоанна Деяния – Иосиф. М.: Православная энциклопедия, 2010. С. 127–139.
5. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
6. Кирьянов Ю. И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 5–66.
7. Киценко Н. Б. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 390 с.
8. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.
9. Машковцев А. А. Секта иоаннитов в Вятской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы истории: сб. статей / Вятский гос. пед. ун-т; редкол.: Е. И. Кирюхина (отв. ред.) и др. Киров: ВГПУ, 1998. С. 20–30.
10. Омельянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.
11. Омельянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
12. Перекатов А. В. «Черные вороны»: конфликт духовенства и театрального сообщества (1907 г.) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 60–73. <https://doi.org/10.15382/sturII202198.60-73>
13. Путинцев Ф. М. Кулацкое светопреставление: (случаи помешательства и массового религиозного психоза на почве кулацко-провокационных слухов о «конце света») / Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР. М.: Безбожник, 1930. 82 с.

⁸¹ Киценко Н. Б. Указ. соч. С. 258.

14. Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 438–462.
15. Фёдоровский С. Кто они, авторы «святых» писем? // Блокнот агитатора. Киров, 1982. № 16. С. 15–19.
16. Фирсов С. Л. Мифологизация памяти. Святой праведный Иоанн Кронштадтский и проблема «иоаннитства» (К истории журнала «Кронштадтский маяк»: 1906–1912 гг.) // Церковь и время. 2024. Т. CVIII. № 4. С. 87–156.

References

1. Butkevich T. I. An overview of Russian sects and their interpretations. Kharkov: Printing house of the Provincial Government, 1910. 607 p. (In Russ.).
2. Vitaly (Utkin), abbot. “Johnism” as an interpretive myth: Politics, media, and the church // Notebooks on Conservatism. 2020. № 1. P. 143–159. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-1-143-159> (In Russ.).
3. Zarembo N. G. Russian Orthodox church and Joanite’s movement in Saint-Petersburg (1890–1900) // Society. Environment. Development (“Terra Humana”). 2010. № 2. P. 39–43. (In Russ.).
4. Zimina N. P. The Johannites // Orthodox Encyclopedia. Vol. 25: The Acts of John – Joseph. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2010. P. 127–139. (In Russ.).
5. Ivanov A. A. The right-wing parties of the Russian Empire. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2024. 735 p. (In Russ.).
6. Kiryanov Yu. I. Preface // Right-wing parties. Documents and materials: in 2 vols. Vol. 1. 1905–1910. Moscow: ROSSPEN, 1998. P. 5–66. (In Russ.).
7. Kitsenko N. B. The saint of our time: Father John of Kronstadt and the Russian people. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2006. 390 p. (In Russ.).
8. Klibanov A. I. History of religious sectarianism in Russia (1860s–1917). Moscow: Nauka, 1965. 348 p. (In Russ.).
9. Mashkovtsev A. A. The sect of Johnites in Vyatka province at the beginning of the 20th century // Actual problems of history: collection of articles / Vyatka State Pedagogical University; editorial board: E. I. Kiryukhina (editor-in-chief) and others. Kirov: VGPU, 1998. P. 20–30. (In Russ.).
10. Omeliyanchuk I. V. Monarchists in 1905–1917: from triumph to catastrophe // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).
11. Omeliyanchuk I. V. The right-wing parties and P. A. Stolypin // Rossiiskaia istoriia. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
12. Perekatov A. V. “Black ravens”: A conflict between the clergy and theater community (1907) // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istoriiia Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2021. Vol. 98. P. 60–73. <https://doi.org/10.15382/sturII202198.60-73> (In Russ.).
13. Putintsev F. M. The kulak end of the world: (cases of insanity and mass religious psychosis based on kulak-provocative rumors about the “end of the world”) / Central Council of the Union of Militant Atheists of the USSR. Moscow: Bezbozhnik, 1930. 82 p. (In Russ.).
14. Smirnov N. A. Missionary activities of the church (second half of the 19th century – 1917) // Russian Orthodoxy: Milestones of history / ed. by A. I. Klibanov. Moscow: Politizdat, 1989. P. 438–462. (In Russ.).

15. Fedorovsky S. Who are the authors of the “holy” letters? // Agitator’s Notebook. Kirov, 1982. № 16. P. 15–19. (In Russ.).

16. Firsov S. L. Mythologization of memory. Saint John of Kronstadt and the problem of “Johannitism” (On the history of the Kronstadt Lighthouse magazine: 1906–1912) // Church and Time. 2024. Vol. CVIII. № 4. P. 87–156. (In Russ.).